

Солярная мифология Восточной Азии и других регионов

Юрий Е. Березкин

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого

(Кунсткамера) РАН, Москва, Россия;

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербург, Россия, berezkin1@gmail.com

Аннотация. Одна из главных совокупностей эпизодов в мифологиях Восточной и Юго-Восточной Азии описывает появление множества солнц, чей жар угрожает жизни. Стрелок убивает все солнца, кроме последнего. В статье рассматривается ареальное распределение и частота сочетаемости этих и других солярных мотивов. Господствующее в северо-восточной половине Евразии представление о солнце как о женщине сформировалось лишь в голоцене. Оно контрастирует с вариантами, типичными для Америки, Океании и Африки. Мотивы множества солнц, стрельбы по солнцам и исправления особенностей первоначального солнца соединились в это же время. Подобный набор отражен в древних китайских памятниках и в фольклоре Китая и Юго-Восточной Азии, но в Америке эти мотивы друг с другом связаны редко. На юго-западе Евразии солнце в облике мужчины либо женщины встречается с почти одинаковой частотой, что характерно уже для древних мифологий Передней Азии. В целом процентное соотношение вариантов на юго-западе Евразии близко к среднему мировому, тогда как во всех остальных регионах оно сдвинуто в пользу одного из вариантов. Миф о том, как луна спровоцировала солнце съесть своих детей, был принесен ранними мигрантами из Африки на субконтинент Сунда. В конце плейстоцена морская трансгрессия вытеснила часть населения на север: отсюда гены малайских негритов и миф о съеденных солнцем детях в Средней Индии. Эксклюзивные параллели между Балканами и Шэньси («Солнце отказывается от брака»), а также Балканами, Индией и Мадагаскаром («Отмененный космический брак») остаются необъясненными.

Ключевые слова: солярные мифы, мифология Древнего Востока, мифология Восточной и Юго-Восточной Азии, сравнительная мифология, субконтинент Сунда

Для цитирования: Березкин Ю.Е. Солярная мифология Восточной Азии и других регионов // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 4. С. 51–79. DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-4-51-79

The solar mythology of Eastern Asia and other regions

Yuri E. Berezkin

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera)
of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia;
European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia,
berezkin1@gmail.com*

Abstract. One of the main clusters of episodes in the mythologies of East and Southeast Asia describes the appearance of multiple suns, whose heat threatens life. The archer shoots down all the suns except the last one. This article examines the geographical distribution and frequency of combinations of these and other solar motifs. The dominant notion of the sun as a woman in the northeastern half of Eurasia only formed in the Holocene. It contrasts with variants typical of the Americas, Oceania, and Africa. The motifs of multiple suns, shooting at the suns, and rectifying the peculiarities of the original sun combined at the same time. A similar set is reflected in ancient Chinese monuments and in the folklore of China and Southeast Asia, but in America, these motifs are rarely interconnected. In southwest Eurasia, the sun in the form of a man or a woman occurs with almost equal frequency, which is characteristic of ancient mythologies in the Near East. In general, the percentage ratio of variants in southwest Eurasia is close to the world average, while in all other regions, it is skewed in favor of one of the variants. The myth of how the moon provoked the sun to eat its children was brought by early migrants from Africa to the Sunda subcontinent. At the end of the Pleistocene, a marine transgression displaced part of the population to the north, giving rise to the genes of the Malay Negritos and the myth of the sun-eaten children in Central India. Exclusive parallels between the Balkans and Shaanxi (“The Sun Refuses Marriage”), as well as between the Balkans, India, and Madagascar (“The Cancelled Cosmic Marriage”), remain unexplained.

Keywords: solar myths, Ancient East mythology, East and Southeast Asian mythology, comparative mythology, Sunda subcontinent

For citation: Berezkin, Yu.E. (2023), “The solar mythology of Eastern Asia and other regions”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 6, no. 4, pp. 51–79, DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-4-51-79

Борис Львович Рифтин был крупнейшим специалистом по фольклору Китая, но знать всю мировую повествовательную традицию в XX в. не мог никто. С тех пор положение изменилось. По мере развития цифровых технологий возможности накопления материала и методы его обработки значительно изменились. Цель статьи – оценить интересовавший Б.Л. Рифтина мотив «Стрелок по солнцу» в свете данных, собранных за полвека нашей работы.

Для начала приведем резюме трех текстов, записанных на юге, в центре и на северо-востоке восточноазиатской сферы культурного взаимодействия. Первый из них – с Хайнаня и принадлежит народу ли:

После потопа земля была сырой и людям жилось тяжело. Бог Вань-цзя («Тьма семей») решил высушить землю и для этого повесил на небе пять солнц и пять лун. Все они были семигранными-восьмиугольными и испускали ужасный жар. Земля потрескалась, деревья засохли. Люди попросили избавить их от напасти. Вань-цзя согласился помочь, забрался на вершину горы и стал стрелять по солнцам и лунам из лука. Четыре солнца и четыре луны упали вниз, остались одно солнце и одна луна. (Далее о том, как Вань-цзя боронил землю, создавая рельеф Хайнаня¹.)

Второй текст происходит из провинции Хэнань:

На небе было 10 солнц – внуков Владыки Неба. Урожай погибал, реки мелели. Чтобы спасти людей, Хоу-и застрелил 9 солнц. Десятое спряталось, стало темно. Однажды Хоу-и услышал, что его кто-то зовет. Земляной червь указал, где прячется десятое солнце. Хоу-и пошел убить солнце, но в темноте не нашел. Люди в отчаянии стали просить солнце вернуться, и оно согласилось. Пока солнце пряталось, его укрывали листья портулака (*Portulaca oleracea*), и теперь оно сделало его устойчивым к засухе. Земляных же червей наказало, и они высыхают, едва оказавшись под солнечными лучами².

Третий текст – удэгейский:

Небо было близко к земле, месяц-мужчина и солнце-женщина ходили по небу вместе. Люди, рождавшиеся зимой, летом умирали от жары.

---

¹ Zhongguo minjian gushi jicheng. Hainan juan [Антология народных сказок Китая. Хайнань] / Ed. by Zhou Yang. Beijing: Zhongguo zhongxin, 2002. P. 5.

² Tao Y., Zhong X. Zhongguo shenhua [Китайская мифология]. Shanghai: Shanghai wenyi chubanshe, 1990. P. 395–396.

Три старика стали стрелять в солнце ледяными стрелами, но они таяли под его лучами, а железные до солнца не долетали. Лишь костяные стрелы достигли цели. Солнце спросило месяц, почему люди его обижают. Месяц: «Потому что мы светим одновременно, и на земле все горит». Солнце предложило, чтобы месяц светил ночью, а оно – днем. Небо поднялось выше, стало прохладнее [Арсеньев 1995, с. 173–174].

Эти три варианта отражают характерную для региона норму. Варианты, записанные в других областях Евразии и тем более у американских индейцев, разнообразнее. Тем не менее все они содержат мотив, который в нашем каталоге значится под номером А37 («Солнце подвергается вооруженному нападению»). Персонаж намеренно и прибегая к особым средствам (обычно стреляя из лука) поражает солнце или несколько солнц либо пытается это сделать.

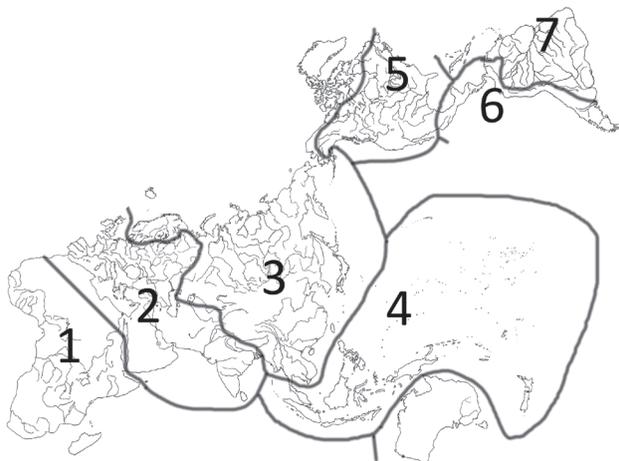
Чтобы оценить ареал распространения данного мотива, достаточно открыть сайт <http://mapsofmyths.com>³ и выбрать соответствующий номер. Однако описание отдельного сюжета или мотива есть лишь одна из мелких задач в рамках исследования, посвященного выявлению культурных связей между сообществами людей. На протяжении истории подобные связи возникали и распались. Их невозможно выявить, не оценивая частоту встречаемости мотивов в традициях, а также сочетаемость их друг с другом. Представляет ли «Стрелок по солнцу» устойчивое ядро какого-то мифа, или же это эпизод, способный встраиваться в разный контекст? Является ли образ дневного светила в Восточной Азии одним из стержневых элементов картины мира или точкой пересечения вариантов повествований, ареалы распространения которых различны? Можно ли оценить время возникновения тех фабул, которые наиболее типичны для восточноазиатской традиции?

Пол солнца и луны

Начнем с данных, которые до недавних пор не были собраны в необходимом количестве. Речь идет о наделении двух главных светил определенным полом. Эта характеристика не слишком стабильна, особенно в отношении луны/месяца. Разные варианты встречаются в одной традиции, а иногда и в одном нарративе. Однако неустойчивость образов на локальном уровне не исключает существования значимых тенденций на уровне региональном.

---

³ Логин customer, пароль aether.

Рис. 1. Регионы мира, выделенные согласно преобладающим вариантам характеристики солнца и луны по признаку пола (см. объяснения в тексте)

Чтобы оценить их, мы сопоставили материал из семи регионов: 1) Африка южнее Сахары, 2) Северная Африка и юго-запад Евразии – Европа (без Фенноскандии), Кавказ, Ближний Восток, Иран с его среднеазиатской периферией, Южная Азия без сино-тибетских традиций северо-востока, 3) север и восток Евразии (Фенноскандия, Северная и Центральная Азия, Тибет и северо-восток Индии, Восточная Азия, континентальная часть Юго-Восточной Азии) и американская Арктика, 4) Малайский полуостров, островная Юго-Восточная Азия и Океания, 5) Северная Америка без Арктики, 6) Мексика, Центральная Америка, Андский пояс Южной Америки, Южный Конус, 7) Южная Америка к востоку от Анд (рис. 1).

Границы регионов определены исходя из особенностей самого фольклорного материала – преимущественного распространения той или иной характеристики светил по признаку пола. В нашем каталоге эти варианты обозначены следующими номерами. А3: солнце – мужчина, а луна – женщина. А4: солнце – женщина (месяц обычно мужчина, реже – женщина, в некоторых случаях пол не известен); А5: солнце и месяц оба мужчины; А6: как солнце, так и луна – женщины. Традиции с мотивом А6 содержат, естественно, и мотив А4. Поскольку в некоторых традициях одно и то же светило бывает надделено как мужским, так и женским полом, при подсчете встречаемости вариантов сумма процентов для мотивов А3–А5 больше 100. Для части традиций (причем не обязательно

плохо представленных в других отношениях) сведений о принадлежности ассоциируемых со светилами персонажей к мужскому или женскому полу нет. Изолированную от остального мира Австралию, где абсолютно преобладают образы женщины-солнца и мужчины-месяца, мы не рассматриваем. Таким образом, общее число учтенных традиций – 691, хотя в нашей базе данных традиций больше – 1017 на момент подготовки статьи.

Таблица

Распределение мотивов,
отражающих характеристику солнца и луны/месяца
по признаку пола по основным регионам планеты
(кроме Австралии, %)

	Африка южнее Сахары	ЮЗ Евразия и Северная Африка	СВ Евразия, амер. Арктика	Островная ЮВ Азия – Океания	Северная Америка без Арктики	Мексика, Ц. Амер., запад Ю. Америки	Восток Южной Америки
Число традиций	64	139	119	62	131	71	106
A3	64,1	52,3	30,5	67,7	40,5	91,5	36,8
A4	28,1	49,2	82,3	25,8	21,4	5,6	10,4
A5	48,4	35,5	28,9	43,5	64,2	33,8	84,0
A6	7,8	14,5	24,6	14,5	3,0	0	0,9

Средние показатели по всему миру, не считая Австралии, таковы. A3 – 50,3% (357 традиций), A4 – 35,3% (244 традиции), A5 – 48,1% (332 традиции) и A6 – 9,9% (69 традиций). Еще раз напомним, что сумма процентов больше ста, поскольку варианты не альтернативны.

Из табл. 1 следует, что региональные соотношения вариантов значительно отличаются от средних. Наличие подобных закономерностей можно объяснить лишь продолжительными процессами, которые развертывались с самого начала освоения ойкумены человеком современного вида. О том, что некоторые представления о светилах должны были возникнуть еще на африканской прародине, мы писали ранее [Березкин 2021а, с. 18–23].

Неравномерность в распределении вариантов наиболее выражена в Центральной и Южной Америке. В притихоокеанских районах от Мексики до Огненной Земли господствует вариант A3

(солнце-мужчина и луна-женщина), а восточнее Анд – А5 (солнце и месяц – мужчины). Резкое отличие этих двух регионов в отношении гендерной характеристики светил совпадает с отличиями в распределении ряда других эпизодов и образов и отчасти коррелирует с ареалами распространения ранних каменных индустрий. Сформировались ли эти различия еще в Азии или в процессе заселения Нового Света, пока не ясно.

Северная Америка больше похожа на восток Южной, хотя в пределах континента есть существенные различия между западом и юго-востоком, которые мы сейчас не затрагиваем.

Раз люди вышли из Африки, а для территории южнее Сахары наиболее характерен мотив А3, то не исключено, что в глубокой древности именно он был наиболее обычным. На это же указывает и его преобладание в островной Юго-Восточной Азии и Океании, где сосредоточены мотивы, вероятно, связанные с расселением *Homo Sapiens* в пределах индо-тихоокеанской окраины Евразии [Березкин 2021a].

Северо-восточная половина Евразии демонстрирует иную картину. Этот регион отличен от остальных высокой частотностью представлений о солнце как о женщине. Тот же мотив у эскимосов отражает факт их недавнего переселения из Сибири. Хотя мотив А6 (оба светила – женщины) нигде не составляет существенную часть вариантов, его встречаемость в северо-восточной половине Евразии тоже намного выше, чем в других регионах. Зато в Новом Свете он почти не известен.

Поскольку предки американских индейцев в конце плейстоцена должны были жить в Восточной Азии и Сибири, а данные палеогенетики указывают на кардинальное изменение восточно-сибирского генофонда за последние 20 тыс. лет [Березкин 2022], широкое распространение мотива А4 в Евразии выглядит инновацией. В Африке южнее Сахары мотив редок, а в Америке очень редок.

В пределах юго-западной половины Евразии мотив А4 встречается хоть и реже, чем на севере и востоке материка, но почти столь же часто, как и А3. Пока трудно сказать, в ходе каких процессов образ солнца-женщины получил распространение, но он характерен именно для континентальной Евразии (Австралия, как было сказано, стоит особняком). Вариант А5 (оба светила – мужчины) на юго-западе Евразии также обычен. Изучение ранних переднеазиатских источников в рамках работы по гранту РФФ 21-18-00232 показало, что разные варианты гендерной характеристики светил сосуществовали здесь уже в древности.

Так выглядит история наделения солнца признаками мужчины либо женщины. Похоже, что на востоке Евразии сформирова-

ние того образа дневного светила, который зафиксирован этнографией, происходило относительно поздно. Как глубоко в прошлое можно проецировать картину, отраженную в переднеазиатских клинописных источниках, пока неясно.

Погибшие дети солнца

Рассмотрим другой связанный с солнцем мотив – А41 («Солнце съедает своих детей»). Эта тема была рассмотрена в одной из предыдущих статей [Березкин 2011], но только что опубликованные данные генетики заставляют вернуться к ней.

Немецкий католический миссионер и антрополог Рудольф Раман был первым, кто заметил, что этот мотив есть в разных районах Азии [Rahmann 1955]. Уникальный для Филиппин текст, замеченный им у тагалов Лусона, оказался сходен с записанными в Средней Индии и на Малайском полуострове. Во всех случаях луна уговорила солнце съесть своих детей, от которых исходил неимоверный жар. Она сделала это из сочувствия к людям либо опасаясь за жизнь ее собственных детей-звезд. Когда светила договорились избавиться от детей, луна звезды спрятала, а солнце своих детей действительно истребило. Иногда рассказывается, что с тех пор солнце преследует луну, вызывая затмения и чередование лунных фаз (рис. 5).

С некоторыми вариациями, но сохраняя ядро сюжета, этот миф зафиксирован, помимо тагалов, у тораджа в горах Сулавеси, батаков Суматры, яванцев, жителей островов Ментавай и Малайского полуострова, в частности у малайцев-аборигенов, семангов (языки джехай и кинтау) и сенои (язык сакаи). В Индии много записей сделано среди народов мунда – бондо, сора, хо, бирхоров, санталов, а также бхуйя и байга, сейчас перешедших на индоарийские и частично дравидские языки. В варианте байга не луна провоцирует солнце съесть своих детей, а солнце провоцирует луну съесть своих сестер. Поэтому солнца восходят по очереди, а луна трудится непрерывно⁴. Инверсия – не редкость для нарративов, так что данный вариант – всего лишь единичное отклонение от нормы. Среди дравидов Центральной Индии рассматриваемый сюжет (наш мотив А41) есть у ораонов, кондов, муриа, бинджваров и бхаттра. От вариантов народов мунда дравидские особо не отличаются. История солнца, луны и их детей сохранилась у румынских цыган [Васильков 2022, с. 168]. Предки цыган вряд ли жили в Ориссе или Джаркханде, чтобы заимствовать ее

⁴ См.: *Elwin V. The Baiga*. L.: John Murray, 1939. P. 332.

там, однако в прошлом языки мунда могли быть распространены дальше на запад, чем ныне.

Принадлежность языков мунда и аслийских языков (семанги и сенои) к австроазиатской семье нельзя признать причиной параллелей между мифологиями Средней Индии, Малайского полуострова и Индонезии. Не исключено, что на западе Индонезии существовал доавстронезийский аслийский субстрат [Donohue, Denham 2010, p. 233; Urban 2010, p. 575], что позволило бы понять, почему история о съеденных солнцем детях сохранилась на Яве и островах Ментавай. Однако такое предположение не объясняет данные по Сулавеси и тем более Лусону. Кроме того, мунданская и аслийская ветви в пределах австроазиатской семьи далеки друг от друга, а у кхаси, кхмеров, ва, кату, бахнаров и других австроазиатов ничего подобного в мифологии нет.

Проблема разрешилась после того, как в 2023 г. были опубликованы данные о наличии в генофонде носителей языков мунда тех же гаплогрупп, что и у малайских негрито (т.е. носителей аслийских языков) [Kim, Li, Kalsi et al. 2023]. После прохождения ледникового максимума около 22 тыс. л. н. началось поднятие уровня моря, особенно быстрое (4,5 см в год) в период между 14,5 и 14 тыс. л. н. К началу голоцена площадь субконтинента Сунда (нынешняя территория западной Индонезии и юга Индокитая с прилегающим континентальным шельфом) сократилась вдвое. Своего предела морская трансгрессия достигла 6,5 тыс. л. н., когда уровень Мирового океана поднялся более чем на 3 м выше современного. Все это привело к выдавливанию обитателей региона на север. Существование у мунда генов, аналогичных генам негрито Малайского полуострова, позволяет понять, куда именно оказался направлен поток мигрантов. От мунда интересующий нас сюжет, скорее всего, заимствовали соседние дравиды. Дравидским народам южной Индии он не известен.

Какие солярные мифы существовали в Восточной Азии до ледникового максимума, сказать невозможно. Что же касается Сунды, то на этой территории мотив «Солнце съедает своих детей», видимо, появился еще на раннем этапе освоения региона людьми современного типа. Дело в том, что параллели данному мотиву есть в Тропической Африке. Они давно замечены⁵, хотя внимания не привлекали. Самые близкие соответствия азиатским вариантам есть у эве и фон – двух родственных народов на юге Бенина, Того и Ганы. Согласно версии эве, луна предложила солнцу сперва съесть его детей, а потом – ее. Солнце согласилось, его

---

⁵ См.: Kühn A. Sonne und Mond in der Mythen der Indochinesen // *Artibus Asiae*. 1936. Vol. 6 (1–2). S. 74.

детей съели, но своих луна спрятала в сосуде, а потом извлекла из него – это звезды. У солнца же детей больше нет⁶. В варианте фон луна предлагает солнцу сбросить детей с неба на землю, прячет своих, набирает в мешок камней и вываливает их в реку, а солнце своих детей действительно топит. Когда истина вышла наружу, луна объяснила, что сила солнца чрезмерна и лучше, если его дети станут рыбами – люди их будут ловить⁷. Мотивировка убийства детей солнца необходимостью избавить мир от излишнего жара в этих и в большинстве других африканских версий (у бауле, вуте и, видимо, нкоми и пигмеев Конго) отсутствует. У фон есть лишь намек на нее, а миф эве вообще заканчивается утверждением, что луна злая, Бог же любит не ее, а солнце. Вместе с тем у диола (Сенегал – Гамбия) мотивировка убийства детей Солнца необходимостью избавить землю от излишнего жара выражена совершенно четко⁸. Можно поэтому полагать, что вся эта тема в мифологии возникла на африканской прародине и попала в пределы субконтинента Сунда с одним из потоков ранних мигрантов, т. е. не позже 40–45 тыс. л. н. Добавим, что мотив убийства персонажем своих близких родственников вследствие провокации другого персонажа (M104) не только зафиксирован южнее Сахары почти повсеместно, но известен в Австралии. История про солнце и луну есть вариант того же рассказа.

Спрятавшийся стрелок по солнцу и губительный жар

Специфика восточноазиатских версий мотива стрельбы по солнцу (A37, рис. 2) состоит в его жестком фабульном сцеплении с мотивом множества солнц (A2) либо с мотивом «Луна светила как солнце» (A2a1). Можно ли определить время его появления?

Было ли население Восточной Азии знакомо с мотивом множества солнц до контакта с генетическими предками семангов? При широчайшем распространении в Китае и на соседних территориях, данные мотивы не известны в Восточной Сибири и очень редко встречаются в Меланезии и Америке (рис. 3, 4). Существующие же там версии (кроме одной, о чем ниже) сильно отличаются от восточноазиатских. Это делает маловероятным популярность

⁶ См.: Spieth J. Die Ewe-Stämme. Berlin: Dietrich Reimer, 1906. S. 557.

⁷ См.: Ольдерогге Д.А. Сказки народов Африки. М.; Л.: Государственное изд-во художественной лит-ры, 1959. С. 150–151.

⁸ См.: Reuss-Nliba D., Reuss-Nliba J. Contes et légendes du Sénégal. P.: Flies France, 2018. P. 66–67.

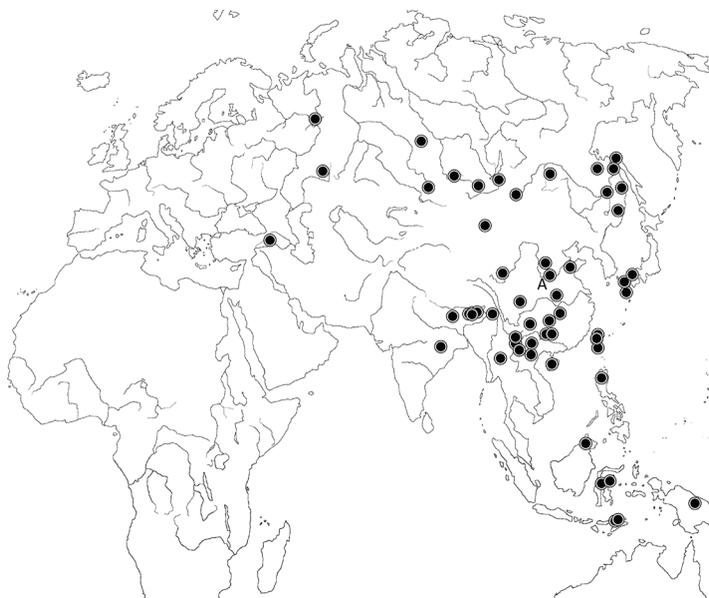

Рис. 2. Мотив А37, «Солнце подвергается вооруженному нападению», в Старом Свете. Литерой «А» здесь и далее помечены ранние письменные традиции

мотива у предков индейцев. Где именно эти предки жили, до сих пор не ясно, но самые обширные комплексы общих мотивов связывают Меланезию и восток Южной Америки, Китай и Мезоамерику, а также Сибирь и Северную Америку [Березкин 2019]. Весьма вероятно, что такая закономерность отражает процесс переселения из Азии в Новый Свет носителей разных культурных комплексов. По обе стороны Тихого океана наследие более древних комплексов лучше сохранилось в более удаленных от Берингоморья регионах. И если никто из предков индейцев не принес в Америку мотива множества солнц как существенной части своих представлений о мире, то и на азиатской прародине американских аборигенов подобный образ вряд ли был широко известен.

Что же касается мотива стрельбы по солнцу, то в Новом Свете он представлен неплохо, хотя и не повсеместно (см. рис. 4). Большинство версий записано в пределах ограниченного, хотя и довольно обширного ареала. Это территория к западу от Скалистых гор – от штата Вашингтон на севере (кутенэ, нэ персэ, кёрдален) до южной Аризоны (явапай). Среди других групп можно назвать юрок, карок, береговых мивок, кавайису, северных пайютов, панаминт,

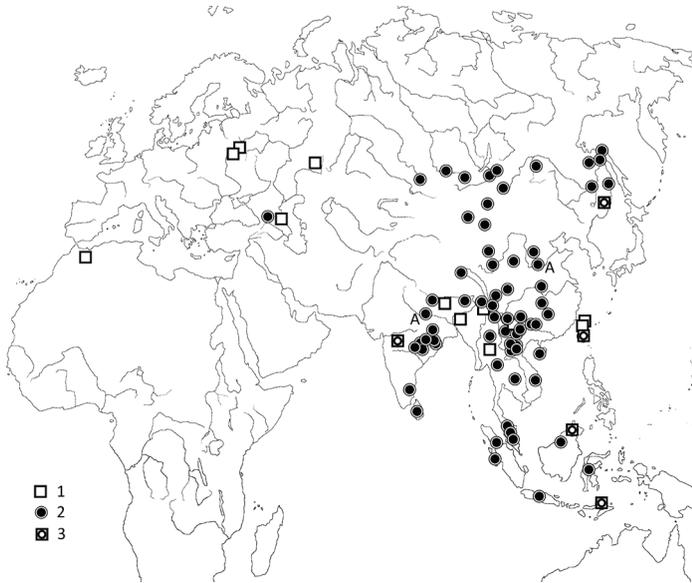

Рис. 3. Мотив множества солнц (без Америки и Меланезии).

1. A2. Некогда на небе одновременно светили несколько, т. е. более двух, солнц.
2. A2a1. Сперва луна была столь же яркой и горячей, как солнце.
3. Оба мотива сочетаются

западных и северных шошони, госиюте, чемеуэви, южных пайют. Самая точная параллель азиатским версиям есть у южных юте⁹. Это единственный в Америке пример сочетания мотива A37 с мотивом A37A («Спрятавшийся стрелок»). Небольшое животное (сурок, кролик, крот, жаба, лягушка, земляной червь) или человек, превращающийся в результате в такое животное, старается паразитировать небесное светило или помогает стрелку. С тех пор это животное прячется в норах или в воде. У юте протагонистом является преобразователь, превращающий враждебные людям объекты и существа в безвредные и полезные. Подобный образ характерен для запада Северной и отчасти для Южной Америки, но в Старом Свете не известен. У юте преобразователем является Кролик, требующий, чтобы к нему обращались, используя какое-нибудь благодарное имя. После того как солнце назвало Кролика кроликом, тот начинает пускать в него стрелы. Они сторают, не долетая до

⁹ См.: *Lowie R.H. Shoshonean tales // Journal of American Folklore. 1924. Vol. 37 (143–144). P. 59–62.*

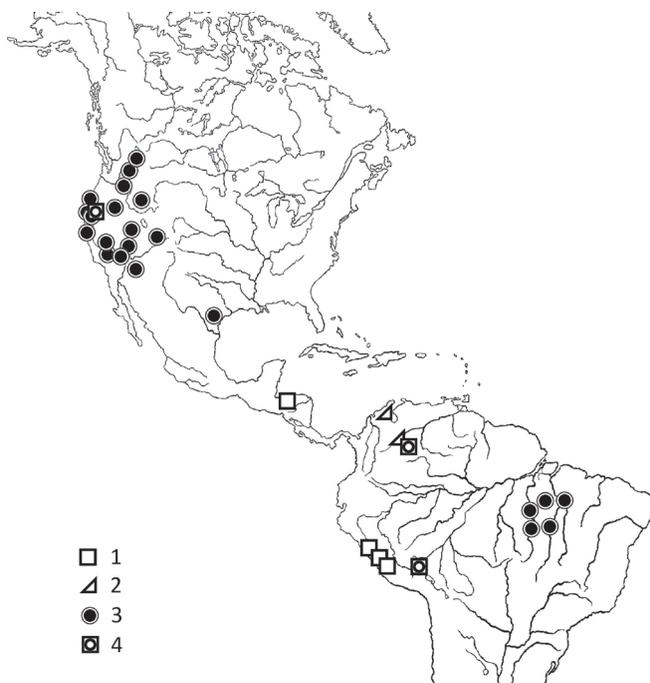

Рис. 4. Аналогии азиатским мотивам в Америке.

1. A37. «Солнце подвергается вооруженному нападению».
2. A2. «Несколько солнц». 3. A2a1. «Луна светила как солнце».
4. A37 сочетается с A2 либо с A2a1

цели, но Кролику удастся ударить солнце дубиной и отбить кусок, в результате чего земля загорается. Дерево, камень, река отвечают Кролику, что не в силах его спасти, и лишь трава обещает убежище, ибо обгорит только сверху. Он спрятался в норе под травой, но когда вышел, солнце превратило его в кролика. В связи с мотивом не долетающих до цели стрел вспоминается приведенный в начале статьи удэгейский вариант. Правда, если палеоиндейцы и целились в солнце, то использовали, скорее всего, не лук, а копьеметалку.

Азиатские фиксации мотива A37A есть у лепча и миньонг в Гималаях, у китайцев Хэнани, тувинцев, селенгинских бурят, монголов (дархаты, халха и монголы Внутренней Монголии), ойратов, алтайцев, а также у японцев на Кюсю и юго-западе Хонсю. В Америке противостояние солнца и кролика описано в текстах не только юте, но и других юто-ацтеков Большого Бассейна и сопредельной части южной Калифорнии. Это северные и южные

пайют, северные и западные шошони, госиюте, панаминт, чемеуэ-ви и кавайису¹⁰ [Powell 1971, pp. 227–229]. Превращение Кролика в животное в этих версиях не декларировано, но могло подразумеваться. Менее точные аналогии есть у тутутни, кутенэ, кёрдалден, нэ персэ, юрок, карок, мивок, явапай, тонкава, а в Южной Америке у харакмбет перуанской Монтаньи; еще более далекие у апинайе, каяпо и каража на Бразильском нагорье и у шипая и журуна в восточной Амзонии. При всех сюжетных различиях, речь неизменно идет о том, как некий персонаж или персонажи убивают или пытаются убить солнце, используя какие-то средства, а не просто ловят и хватают его.

Еще один характерный для Восточной Азии связанный с А37 мотив обозначен в нашем каталоге как А2А («От солнца исходит губительный жар»). Мир был или будет (почти) сожжен, когда несколько солнц существовали или появятся одновременно; либо губительный жар (или свет) некогда исходил от одного солнца. В Азии часто (хотя не всегда) этот мотив сцеплен с мотивом множества солнц (А2) или «Луна светила как солнце» (А2а1). Однако в Америке подобное сочетание замечено лишь в пяти случаях: у шаста северной Калифорнии, хикаке Гондураса, секая восточного Эквадора, куива Льяносов и харакмбет перуанской Монтаньи¹¹ [Gray 1996, pp. 24–26; Wilbert, Simoneau 1991, p. 59].

¹⁰ См.: *Clark E. E.* Indian legends from the Northern Rockies. Norman: University of Oklahoma Press, 1966. P. 180; *Curtis E.S.* The North American Indian. N.Y.; San Francisco; L.: Johnson Reprinting Corporation, 1976. Vol. 15. P. 143–147; *Laird C.* The Chemehuevis. Banning, California: Malki Museum Press, 1976. P. 152–154; *Lowie R.H.* Shoshonean tales... P. 25–29, 142–147, 198; *Lowie R.H.* The Northern Shoshone // Anthropological papers of the American Museum of Natural History. 1909. Vol. 2. Part 2. P. 252–253; *Smith A.M.* Ute tales. Salt Lake City: University of Utah Press, 1992. P. 54–57; *Smith A.M.* Shoshonean tales. Salt Lake City: University of Utah Press, 1993. P. 21–22, 97–101, 167–178; *Steward J.H.* Myths of the Owens Valley Paiute // University of California publications in American archaeology and ethnology. 1936. Vol. 34. No. 5. P. 371–372; *Steward J.H.* Some Western Shoshoni myths // Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology, 1943. Bull. 136. No. 31. P. 277–281; *Zigmond M.L.* Kawaiisu Mythology. Socorro, New Mexico: Ballena Press, 1980. P. 155–156, 233–236.

¹¹ См.: *Chapman A.M.* Los hijos de la muerte. El universo mítico de los Tolupan-Jicaques (Honduras). México: Instituto Nacional de Antropología, 1982. P. 112–113; *Cieza de León P., de.* The Incas of Pedro de Cieza de León / Transl. by H. de Onis. Norman: University of Oklahoma Press, 1976. P. 116; *Cipolletti M.S.* Aipë Koka. La Palabra de los Antiguos. Tradición Oral Siona-Secoya. Quito: Ediciones Abya-Yala, 1988. P. 65–68; *Galindo F.A.*

Миф шаста к азиатским особенно близок: девять братьев солнца испускали невыносимый жар, а девять братьев месяца – холод; всех их койот убил кремневым ножом. Одновременное появление не только нескольких солнц, но и нескольких лун (наш мотив А2с2) характерно только для неханьских народов юга Китая, Средней Индии и отчасти Тибета. Этот мотив отмечен у тибетцев Амдо, непальцев, черных тай Лаоса, тямов, кондов, различных групп мяо и мео в Китае, Вьетнаме и Таиланде¹² [Атгашев 2001, с. 106–107; Graham 1961, p. 84; Но 1967, p. 216; Symonds 2004, pp. 215–218]. Шаста – самый северный из языков хока. Обычно считается, что эти языки распространились на западе США раньше большинства других. Но перекинуть из Калифорнии мостик непосредственно в Юньнань невозможно. В мифе перуанских характеров мотивы испускающих жар солнц и стрельбы по ним тоже сочетаются, но сюжет меньше похож на наиболее типичные азиатские, поскольку солнца лишь два.

Необходимость исправить особенности древнего солнца или вообще избавиться от него и заменить новым в американских традициях бывает мотивирована не только губительным жаром

Mitos y leyendas de Huancavilca. Del archivo de Francisco A. Galindo // *Antropológica*, Pontífica Universidad Católica del Perú. 1990. Vol. 18 (8). P. 219; *Ortiz Rescaniere A.* Imperfecciones, demonios y héroes andinos // *Antropológica*, Pontífica Universidad Católica del Perú. 1987. Vol. 4 (4). P. 197; *Powell J.W.* Tribes of California. Washington: Government Printing Office, 1877. P. 250–251.

¹² См.: *Elwin V.* The Baiga... P. 332; *Kühn A.* Op. cit. P. 77; *Беннингсен А.П.* Легенды и сказки Центральной Азии, собранные графом А.П. Беннингсеном. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1912. С. 12–13; *Bourlet A.* Les Thay // *Anthropos*. 1907. Vol. 2(6). P. 924–925; *Никитин Н.И.* Ндо Тъы // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 206; *Elwin V.* Tribal Myths of Orissa. Bombay: Oxford University Press, 1954. P. 47–48; *Hatt G.* Asiatic Influences in American Folklore. København: Ejnar Munksgaard, 1949. P. 172–173; *Карпов В., Ткачев М.Н.* Сказки и легенды Вьетнама. М.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1958. С. 254–257; *Miller L.* South of the clouds. Tales from Yunnan. Seattle; L.: University of Washington Press, 1994. P. 78–84, 88–93; *Bender M., Dan J., Xueliang M.* Butterfly mother. Miao (Hmong) Creation Epics from Guizhou, China / Transl. by M. Bender; based on a version compiled by J. Dan, Ma Xueliang. Indianapolis, Cambridge: Hackett Publishing Co., 2006. P. 49–70; *Dessaint W., Ngwâma A.* Au sud des nuages: Mythes et contes recueillis oralement chez les montagnards lissou (tibéto-birmans). Paris: Gallimard, 1994. P. 154–156; *Maskarinec G.G.* Nepalese shaman oral texts. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998. P. 24–46, 78–84.

светила, но и любыми другими причинами. Создается впечатление, что в эпоху заселения Нового Света мотивы А2А («От солнца исходит губительный жар»), А37 («Солнце подвергается вооруженному нападению») и А2 («Несколько солнц») на азиатской прародине американских индейцев были известны, но устойчиво друг с другом не сочетались. Именно поэтому в Новом Свете они большей частью остались самостоятельными. В рамках единой фабулы, характерной для фольклора и мифологии Китая и сопредельных областей, эти мотивы соединились лишь после того, как заселение Америки в основном завершилось, иначе говоря, в голоцене.

Солнце отказывается от брака

В западной половине Евразии мотив светивших в прошлом двух или более солнц, посылавших на землю губительный жар, зафиксирован у русских востока Смоленской губернии¹³ [Белова, Кабакова 2014, с. 78–79], грузин¹⁴ и башкир¹⁵. Эти варианты выглядят как случайные брызги, вылетевшие из восточноазиатского водоема. Иное дело варианты, сходные по смыслу с характерными для семангов, некоторых австронезийцев и народов Средней Индии, согласно которым луна, обеспокоенная возможностью появления множества солнц, провоцирует нынешнее солнце уничтожить своих детей (рис. 5). На Балканах этот мотив популярен, но спроецирован в будущее. Если солнце женится, то родившиеся от брака новые солнца сожгут мир. Такая перспектива заставляет солнце отменить свадьбу (мотив А2с1), хотя советчика, вспомнившего об угрозе, солнце нередко наказывает так же, как и доносчика, сообщившего стрелку, где оно прячется (вспомним резюме мифа из Хэнани в начале статьи).

Данная тема весьма распространена в болгарском и македонском, в меньшей степени в сербском фольклоре. В традициях юга Балкан она присутствовала как минимум с эпохи античности¹⁶.

¹³ См.: *Ивановский А.А.* Дьявол – творец солнца и луны // Этнографическое обозрение. 1891. Год 9. № 3. С. 239–240.

¹⁴ См.: *Вирсаладзе Е.Б.* Грузинские народные предания и легенды. М.: Наука, 1973. С. 47–48.

¹⁵ См.: *Бараг Л.Г.* Башкирское народное творчество. Т. 2: Предания и легенды / Сост., авт. вступ. статьи, коммент. Ф.А. Надршина; отв. ред. тома Л.Г. Бараг. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1987. С. 31.

¹⁶ См.: *Гаспаров М.Л.* Федр, Бабрий: Басни. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 273, 358; *Perry В.Е.* Aesopica. Vol. 1. Greek and Latin texts. Urbana: University of Illinois Press, 1952. No. 314.

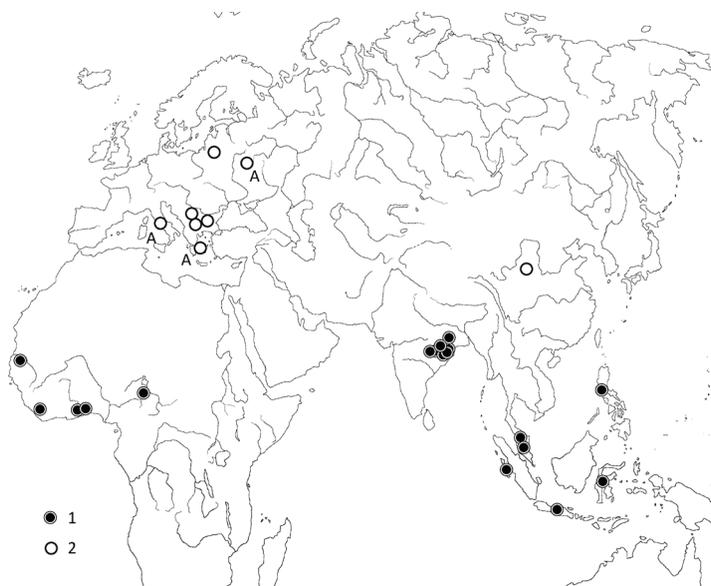

Рис. 5. 1. Мотив А41, «Солнце съедает своих детей».
2. Мотив А2с1, «Солнце отказывается от брака»

От греков этот мотив попал к латинянам¹⁷ и в конечном счете оказался даже в русском «Езопе» [Тарковский, Тарковская 2005, с. 418]. Невестой солнца на Балканах бывают разные персонажи, в том числе и луна, а свои возражения против готовящейся свадьбы выдвигает либо лягушка/жаба (в античных традициях), либо еж (у болгар, сербов и македонцев). Встречаются и другие персонажи, но еж – чаще всего. В роли спасающего мир мудреца (наш мотив С31) еж известен от Забайкалья до Балкан, а также в Среднем Поволжье и у балтов, что позволяет связывать распространение этого образа с тюрко-монгольскими миграциями по Великой Степи. Ранее роль мудрых советчиков, похоже, исполняли именно лягушки. Их мы и находим в литовском варианте сюжета¹⁸. Надо полагать, что к балтам такой вариант попал либо в древности, либо через восходящую к античности письменную традицию. В Восточных Гималаях в мифах лепча, миньонг и панги именно лягушка или жаба препятствует тому, чтобы на небе оказалось несколько солнц. Это еще одна ниточка, связывающая Балканы с индо-гималайским регионом.

¹⁷ См.: Гаспаров М.Л. Указ. соч. С. 10.

¹⁸ См.: Лёбите А. Королева Лебедь: литовские народные сказки. Вильнюс: Vaga, 1965. С. 400.

Если у мунда или семангов история конфликта солнца с луной по поводу их детей является одним из важнейших космогонических мифов, то для Древней Греции это периферийный сюжет, Гесиодом или Аполлодором не санкционированный. С чем-то подобным мы сталкивались в связи с мотивом B2f1 («Похороненный в голове»; также B2f2, «Носит непохороненный труп»). В обоих случаях эзоповская традиция опирается на индийские параллели. В отношении отмененной свадьбы солнца подобные аналогии идут по двум направлениям. Помимо мотива опасности множества солнц для земных обитателей, мотив отмененной «космической свадьбы» (С35) в Южной Азии есть и в другом варианте. У миньонг Аруначал-Прадеша земля и небо вступают в брак, и богам, чтобы не быть раздавленными, приходится отодвинуть небо на нынешнюю высоту¹⁹. Похожий сюжет зафиксирован в Средней Индии у гондов, пардхан и байга, но в этих традициях космический брак предотвращен вовремя, причем в одном из вариантов земля получила вместо неба (облака) менее статусного супруга – медведя²⁰. Образ Пелея как заместителя Зевса в браке с Фетидой напрашивается.

Будь подобные тексты обнаружены в древних источниках или хотя бы в позднем индоарийском фольклоре Южной Азии, параллели с Грецией было бы логично отнести к той же эпохе, что и другие эксклюзивные индийско-греческие схождения, иначе говоря, ко времени, когда предки индо-иранцев и греков жили поблизости друг от друга в причерноморских или волгоуральских степях. Однако они зафиксированы либо у тибето-бирманцев северо-востока, либо у дравидов и мунда Средней Индии.

Рискуя окончательно запутать картину, отметим еще два обстоятельства.

Во-первых, история отмененной космической свадьбы, вследствие которой обитатели земли оказались бы раздавлены между землей и небом, известна на Мадагаскаре²¹. Языковые предки мальгашей происходят с Борнео, а дравиды Средней Индии и тем более тибето-бирманцы не были вовлечены в плавания по Индийскому океану, поэтому непонятно, как индийский сюжет попал на

¹⁹ См.: *Elwin V. Myths of the North-East frontier of India*. Calcutta: North-East Frontier Agency, 1958. P. 48–50.

²⁰ См.: *Elwin V. Folk-tales of Mahakoshal*. L.: Oxford University Press, 1944. P. 460; *Idem. Myths of Middle India*. Madras: Oxford University Press, 1949. P. 87–88, 105, 207.

²¹ См.: *Haring L. Malagasy tale index*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1982. P. 163. См. также: [Molet 1979, pp. 32–33].

Мадагаскар. Во-вторых, поразительно сходный с македонскими текст записан на юго-западе Шэньси²²:

Когда мужчина-солнце собрался жениться, петух стал клевать песок: если у солнца родятся дети, другой еды не останется. Звери отказались искать солнцу жену, а оно рассердилось и скрылось в море. Прибегая к уловкам, петуху удалось его выманить.

Хотя у македонцев, как и у болгар, в роли предвидящего последнего мудреца чаще всего выступает еж, петух в этом качестве тоже присутствует. Но когда и через чье посредство жители Шэньси и Балкан могли войти друг с другом в контакт?

Выманивание солнца и последнее солнце

Эпизоду выманивания спрятавшегося или спрятанного солнца соответствует наш мотив С18. Чтобы вернуть или впервые добыть свет и тепло, внимание персонажа-солнца привлекают или отвлекают странным поведением, исполнением песен, музыкой, танцами, необычными подарками, предложением секса, пищи и алкоголя. Этот мотив характерен для Восточных Гималаев и индийского северо-востока (лепча, абор, паси, тагин, мейтеи, кхаси), но он есть также в Древней Японии, на северо-востоке Азии (чукчи, коряки, кереки), в Северной, Центральной и Южной Америке и даже (один случай) в Западной Африке. При вероятной исторической связи соответствующих традиций на внутрорегиональном уровне, на межрегиональном она сомнительна – фиксаций мало, а разбросаны они по всему миру.

В Азии выманивание спрятавшегося солнца обычно встречается в текстах, включающих мотив истребления лишних солнц. В отличие от мотива С18, мотив А2b1 («Последнее солнце») занимает большой, но компактный ареал (рис. 6). Он включает северо-восток Индии, север Бирмы и Индокитая, южные и центральные провинции Китая (но не Синьцзян и не приморскую часть страны) и, наконец, Монголию и Южную Сибирь. В частности, он есть у лепча, мишми, миньонг, паси, качинов, мейтеи, мундари, друнг, буланг, лису, лоло, хани, мео северного Вьетнама, мяо, у халха-монголов, ойратов, дархагов, селенгинских бурят, тувинцев, алтайцев, у китайцев провинций Ганьсу, Шаньси, Хэбэй, Хэнань и Сычуань, а также в древних и средневековых источниках²³ [Graham 1961,

²² См.: *Elwin V. Folk-tales of Mahakoshal...* P. 12.

²³ См.: *Kühn A. Op. cit. P. 77; Капнов В., Ткачев М.Н. Указ. соч. С. 254–257; Bourlet A. Op. cit. P. 154–156; Hatt G. Op. cit. P. 77; Miller L. Op. cit. P. 61–62, 85–93; Elwin V. Myths of the North-East frontier of India...* P. 46–50, 53–54;

р. 84; Но 1967, р. 216; Белова, Кабакова 2014, с. 215–218; Blackburn 2008, р. 155; Singh 1985, pp. 174–176; Неклюдов 2019, с. 129–136, 467–501; Nassen-Bayer, Stuart 1992, р. 330]. Круг перечисленных

Stocks C.B.. de. Folk-lore and customs of the Lap-chas of Sikhim // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. 1925. Vol. 21. P. 363–365; *Gilhodes P.C.* Mythologie et religion des Katchins (Birmanie) // Anthropos. 1908. Vol. 3 (4). P. 691–693; *Hodson T.C.* The Meitheis. L.: Davit Nutt, 1908. P. 125–129; The seventh sun. A tribal tale from Odisha, India. S.l.: Pratham Books, 2014. P. 1–11; *Юань Кэ.* Мифы Древнего Китая. 2-е изд., испр. и доп. / Пер. с кит. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В. Пузицкого, В.Ф. Сорокина; отв. ред. Б.Л. Рифтин. М.: Наука, 1987. С. 139–148; Zhongguo minjian gushi jicheng. Shanxi juan [Антология народных сказок Китая. Шаньси] / Ed. by Zhou Yang. Beijing: Zhongguo zhongxin, 1999. P. 28, 31–33; Zhongguo minjian gushi jicheng. Gansu juan [Антология народных сказок Китая. Провинция Ганьсу] / Ed. by Zhou Yang. Beijing: Zhongguo wenlian, 2001. P. 16; Zhongguo minjian gushi jicheng. Sichuan juan [Антология народных сказок Китая. Провинция Сычуань] / Ed. by Zhou Yang. Pt. 1. Beijing, Zhongguo zhongxin, 1998. P. 33–34; Zhōngguó mínjīan gùshì quánshū. Húběi, Fǔníng juǎn [Антология народных сказок Китая. Провинция Хэбэй, район Фунин] / Ed. by Bai Gengsheng. Beijing: Zhìshì chǎnquán chūbǎn shè, 2007. P. 73–74; *Тушков А.* Чудесный мастер. Вып. 1: Китайские рассказы, сказки, басни, притчи, пословицы, загадки. Чита: Читинское кн. изд-во, 1954. С. 50–51; *Wilhelm R.* Chinesische Volksmärchen / Übersetzt und eingeleitet von R. Wilhelm. Jena: Diederichs, 1921. S. 35–37; *Graham D.C.* Songs and stories of the Ch'uan Miao. Washington D.C.: Smithsonian Institution, 1954; P. 172–173; *Lemoine J.* L'Initiation du mort chez les Hmong. II. Les thèmes // L'Homme, 1972, Vol. 12 (2). P. 88–89; *Итс П.Ф.* Мяо: Историко-этнографический очерк. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 107; *Лин Лин, Устин П.* Глаза дракона: Легенды и сказки народов Китая. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1959. С. 17–19; Монгольская экспедиция, архив центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, зап. 8.20.2006; *Потанин Г.Н.* Очерки северо-западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Императорского Русского географического общества. Вып. 4: Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. С. 179; *Потанин Г.Н.* Круговое движение ночного неба и грозовое явление в монгольских преданиях, иконописи и пластике // Записки Семипалатинского подотдела Западно-сибирского отдела Русского географического общества. 1919. Вып. 13. С. 17; *Скородумова Л.Г.* Сказки и мифы Монголии / Пер. Л.Г. Скородумовой. Улаанбаатар: Монсудар, 2003. С. 28–30; *Смолев Я.С.* Бурятская легенда о тарбагане, записанная Я.С. Смолевым // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отд-ния Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Иркутск: Тип. газеты «Восточное обозрение». 1902. Т. 3. Вып. 1. С. 101–103.

Рис. 6. Мотив A2b1, «Последнее солнце»

традиций и образует, в сущности, территориальное ядро сюжета, в котором соединены все рассматриваемые мотивы: множество солнц, грозящих сжечь землю, стрельба по солнцам из лука, наказание стрелка, превращенного в небольшое водное или земляное животное, спрятавшееся последнее солнце, которое удается выманить. Кроме мотива последнего солнца, все остальные известны и на других территориях, но там они не сцеплены систематически между собой. В то же время территориально далекие (вплоть до Америки) аналогии для некоторых из этих мотивов заставляют предполагать их палеолитический возраст.

Мотив солнца, вынужденного отказаться от права иметь детей, в этот комплекс не входит. У него совсем другие связи, тянущиеся в Африку, а не в Америку. На этом фоне вариант из Шэньси выглядит особенно необычно.

С одной стороны, он вполне вписывается в региональный контекст – в том числе и благодаря роли петуха, на крик которого солнце выходит (мотив C18A). Этот мотив характерен для Юньнани, где, вполне вероятно, находился центр доместикации кур, и далее для Восточной Азии и индийского северо-востока (кхаси, ангами, нокте, миньонг, мейтеи, качины, друнг, буланг, мундари, бондо, гадаба, бунун, китайцев Шаньси, чуань мяо, мео Таиланда, хани, лаху, лису). Через Индию, явно вместе с домашними курами,

«солнечный петух» проник в Европу (Верхняя Бретань, Пикардия, Вестфалия, македонцы, сербы) и Африку (исанзу, сукума, лулуа, куба, лала, коно, дан) [Березкин 2021б]. Его присутствие в ранних японских письменных памятниках и на Тайване (бунун), но не в Корее – довод в пользу континентального влияния на формирование ранней японской традиции через австронезийское посредство [Березкин 2020].

С другой стороны, в связи с историей детей солнца (погубленных им или могущих родиться в будущем) вариант из Шэньси для Восточной Азии уникален и близок именно балканским, а не индийским и индонезийским, причем балканский сюжет, как уже было сказано, существовал как минимум в I тыс. до н. э. Создается впечатление, что важнейший элемент этой головоломки у нас отсутствует. Удивляться не приходится. Если эгейская, египетская и переднеазиатская мифология до какой-то степени известны по древним текстам, а китайская и индийская еще и по хорошо сохранившимся традициям десятков малых народов Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, то ранняя мифология Ирана, запада Южной Азии, Средней Азии и Туркестана местами утрачена безвозвратно, а местами представлена лишь незначительными фрагментами.

Детство солнца и луны

Мы начали обзор с идентификации светил по признаку пола. Похоже, что данная характеристика в рассматриваемом комплексе мотивов роли не играет. Это вовсе не тривиальное наблюдение. Существуют региональные традиции, для которых характерен образ солнца как могучего мужчины, имеющего виды на женщин либо стремящегося погубить зятя. Есть и другие, в которых солнце и луна (или месяц) – это дети, чьи приключения и взросление составляют основу мифологического цикла. В рассмотренных же эпизодах азиатских мифов (но не мифов об истреблении солнцем своих детей) роль солнца довольно пассивна, а положение в возрастной и гендерной иерархии нечеткое.

Тем интереснее, что в пределах китайской сферы культурного взаимодействия наш мотив А20 («Детство солнца и луны») хорошо представлен, но при этом никак не пересекается с остальными рассмотренными мотивами и находит аналогии в иных, нежели они, ареалах Нового Света.

Одним из мотивов, встречающихся только на этой территории, является J18A («Мать съедена, дети бегут»). Людоедка (тигр) съедает женщину и проникает в ее дом. Дочери женщины (дочь и сын,

одна дочь) убегают, лезут на дерево или забираются по веревке на небо. Людоедка преследует их и гибнет. Подобные нарративы записаны у тибетцев Сиккима и Цинхая, качинов, корейцев, тибето-бирманцев Юньнани (лоло, лису, хани), дунсянов, монголов, саларов и японцев. С ними были знакомы китайцы в провинциях Ганьсу, Шаньси, Чжэцзян, Цзянсу, Аньхой, Фуцзянь, Гуандун, Шаньдун, Хунань, Сычуань, Гуанси, Хубэй, Гуйчжоу, Юньнань, а также в Маньчжурии²⁴. Перуанские варианты могли распространиться в XX в., будучи заимствованы от сельскохозяйственных рабочих, которых массами завозили в Перу из Китая [Berezkin 2014].

При очевидном сходстве всех версий, финал повествований различается. В китайских гибель людоедки растягивается на несколько эпизодов. Ее останки опасны, и нужны дополнительные усилия, чтобы их уничтожить. У этнических групп по периферии Китая многие повествования заканчиваются тем, что дети поднимаются на небо и превращаются в солнце и луну (и в звезду). Подобные варианты есть по крайней мере у хани (граница Юньнани, Вьетнама и Лаоса), бирманцев, качинов, тибетцев Цинхая, монголов Ордоса и корейцев. У японцев дети превращаются в звезды. В одном из вариантов лису девочка остается на луне. У саларов солнце и луна помогают сестрам подняться на небо.

Заключение

Нет сомнения, что многие связанные с образом солнца мифологические мотивы существовали в Восточной Азии намного раньше I тыс. до н. э., когда их впервые письменно зафиксировали. Известные нам древнекитайские мифы мало отличаются от тех, которые в Восточной Азии сохранились в народной среде до XX и даже до XXI в. Однако это не значит, что время их формирования следует относить к неопределенно далекому прошлому. Когда именно впервые появляются те или иные эпизоды и образы, определить невозможно. Но есть основания полагать, что того классического сюжета, который включает мотивы появления множества солнц, их истребления стрелком из лука и спасением последнего солнца, до начала голоцена в Китае не было. В противном случае подобный миф распространился бы шире, достигнув Америки или по крайней мере Восточной Сибири.

---

²⁴ См.: Eberhard W. Typen chinesischer Volksmärchen. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1937. S. 19–23; а также многие другие источники.

Для истории конфликта солнца с луной, спровоцировавшей дневное светило уничтожить своих детей, вероятно намного более ранняя датировка, на что указывают два обстоятельства. Во-первых, это западноафриканские параллели азиатским текстам. Во-вторых, данные о миграции генетических (но не языковых) предков мунда в Среднюю Индию с ушедшего под воду субконтинента Сунда. Этот факт коррелирует с данными сравнительной мифологии касательно близости традиций Средней Индии, Малайзии, Индонезии и Филиппин. Мог ли подобный сюжет стать триггером появления в Восточной Азии образа сжигающих землю солнц? Наверно да, хотя доказать это трудно.

Сопоставление сюжетов и их ареалов распространения приводит нас к твердому убеждению, что мифология не развивается от пресловутых «архетипов» к разнообразию вариантов. Ситуация скорее обратная. На основе множества вариантов, представленных на небольших территориях, формируются наиболее типичные, то есть чаще всего встречающиеся и шире представленные. Это происходит по мере роста демографической плотности и соответственно частоты контактов между представителями разных традиций, иначе говоря, по мере формирования обширных сфер культурного взаимодействия. При этом варианты, которые с другими не согласовываются, тоже могут существовать. С некоторым риском что-то похожее допустимо предполагать для объяснения языковых процессов, когда по мере погружения во все более ранние эпохи становится трудно отличить генетическое родство между семьями от древних заимствований, при том что наличие некоторых явлений, характерных для крупных регионов, сомнений не вызывает.

И наконец, о параллелях между Балканами, Южной Азией и Шэньси. На основе известных фактов им вряд ли удастся найти объяснение. Следует учитывать, что текст из Шэньси мог и не оказаться в многомтом собрании китайского фольклора и что подготовившие это издание специалисты, скорее всего, не понимали значение попавшего к ним материала. Мы не знаем, какие еще сокровища хранятся в китайских архивах, и даже не имеем доступа к ряду академических публикаций. Специалистов же уровня Б.Л. Рифтина с нами нет.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00232 («Мотивы и сюжеты древневосточных письменных памятников в сравнительно-исторической перспективе»). Благодарю С.Ю. Неклюдова за любезное приглашение опубликовать статью в номере журнала, посвященном Б.Л. Рифтину, а также за важные замечания и Е.Н. Дувакина, подсказавшего некоторые источники по теме статьи.

Исследование было бы невозможно без А.С. Крамсковой и А.Э. Терехова, переведивших китайские тексты в ходе работы по гранту РФФ № 18-18 00361. Поскольку полная библиография к статье превышает объем основного текста, ссылки на источники даны лишь в избранных случаях. В частности, они приведены, если определения соответствующих мотивов были недавно изменены либо мотивы выделены уже после размещения в Интернете последней версии Каталога фольклора и мифологии мира (<https://www.areasofmyths.com/>, <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>; я признателен Е.В. Коровиной, занимающейся этой работой). Остальные ссылки следует искать в каталоге согласно указанным в статье номерам мотивов.

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 21-18-00232, titled “Motifs and Themes of Ancient East Written Monuments in a Comparative-Historical Perspective.” I would like to express my gratitude to S.Yu. Neklyudov for the kind invitation to publish this article in an issue dedicated to B.L. Riftin, as well as for valuable comments. I also thank E.N. Duvakin for providing some sources related to the topic of the article. This research would have been impossible without the contributions of A.S. Kramskova and A.E. Terekhov, who translated Chinese texts during the course of the RSF grant No. 18-18-00361. Since the complete bibliography for the article exceeds the main text’s volume, references to sources are provided only in selected cases. Specifically, they are included if the definitions of corresponding motifs were recently updated or if the motifs were identified after the last version of the Catalog of Folklore and Mythology of the World was published online (<https://www.areasofmyths.com/>, <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>; I am grateful to E.V. Korovina for her work in this regard). Other references should be located in the catalog according to the motif numbers indicated in the article.

Литература

- Арсеньев 1995 – *Арсеньев В.К.* Из научного наследия В.К. Арсеньева // Краеведческий бюллетень общества изучения Сахалина и Курильских островов. 1995. № 3. С. 163–182.
- Атгашев 2001 – *Атгашев В.Р.* Мифология По Нагар и сотворение мира у тямов Вьетнама // Маклаевские чтения (1998–2000): краткое содержание докладов: Австралия, Океания, Юго-Восточная Азия: народы, культура, история. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2001. С. 106–107.
- Белова, Кабакова 2014 – *Белова О.В., Кабакова Г.И.* У истоков мира: русские этиологические сказки и легенды. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. 527 с.

- Березкин 2011 – *Березкин Ю.Е.* Четыре фольклорных мотива из трех эпох в истории Индонезии и Филиппин // *Pilipinas muna! Филиппины прежде всего! Сборник статей к 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова.* СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 138–174.
- Березкин 2019 – *Березкин Ю.Е.* Последовательность переноса мифологических мотивов в Америку // *Этнография.* 2019. № 3 (5). С. 8–25.
- Березкин 2020 – *Березкин Ю.Е.* Ареальные связи древней японской мифологии // *Этнографическое обозрение.* 2020. № 1. С. 23–33.
- Березкин 2021a – *Березкин Ю.Е.* Африканское наследие в мифологии // *Антропологический форум.* 2021. № 48. С. 91–114.
- Березкин 2021b – *Березкин Ю.Е.* Звездная курица – солнечный петух: трансевразийские связи в области мифологии // *Венок из даров дружбы: Сборник научных статей в честь Маргариты Федоровны Альбедиль.* СПб.: Петербургское востоковедение, 2021. С. 26–44.
- Березкин 2022 – *Березкин Ю.Е.* Культурный континуум бореальной зоны Евразии и восточносибирский клин (по данным сравнительной мифологии и палеогенетики) // *Археология, этнография и антропология Евразии.* 2022. Т. 50. № 2. С. 28–40.
- Васильков 2022 – *Васильков Я.В.* Индийское наследие в мифологии и фольклоре европейских *рома* (цыган) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология: Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского.* СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 162–174.
- Неклюдов 2019 – *Неклюдов С.Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии: миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.
- Тарковский, Тарковская 2005 – *Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р.* Эзоп на Руси: Век XVII: Исследования. Тексты. Комментарии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 546 с.
- Berezkin 2014 – *Berezkin Yu.* Children pursued by an ogre. Western and Eastern Eurasian borrowings in the 20th century Quechua narratives // *Latin American Indian Literatures Journal.* 2014. Vol. 30 (2). P. 185–215.
- Blackburn 2008 – *Blackburn S.* Himalayan tribal tales. Oral tradition and culture in the Apatani Valley. Leiden, Boston: Brill's Tibetan Studies Library, 2008. 281 p.
- Donohue M., Denham 2010 – *Donohue M., Denham T.* Farming and language in island Southeast Asia // *Current Anthropology.* 2010. Vol. 51 (2). P. 223–256.
- Graham 1961 – *Graham D.C.* Folk religion in Southwest China. Washington D.C.: Smithsonian Institution, 1961. 246 p.
- Gray 1996 – *Gray A.* The Arakmbut. Mythology, spirituality, and history in an Amazonian community. Providence; Oxford: Berghahn Books, 1996. 312 p.
- Ho 1967 – *Ho T.* A comparative study of myths and legends of Formosan aborigines. Taipei: The Orient Cultural Center, 1967. 389 p.

- Kim, Li, Kalsi et al. 2023 – *Kim H.L., Li T., Kalsi N.* et al. Prehistoric human migration between Sundaland and South Asia was driven by sea-level rise // *Communications Biology*. 2023. Vol. 6. Article 150. URL: <https://www.nature.com/articles/s42003-023-04510-0> (дата обращения 25 мая 2023).
- Molet 1979 – *Molet L.* La conception malgache du monde du surnaturel et de l'homme en Imerina. T. 1. Paris: Éditions l'Harmattan, 1979. 440 p.
- Nassen-Bayer, Stuart 1992 – *Nassen-Bayer* {инициалов нет!}, *Stuart K.* Mongol creation stories: man, Mongol tribes, the natural world, and Mongol deities // *Asian Folklore Studies*. 1992. Vol. 51 (2). P. 323–334.
- Powell 1971 – *Powell J.W.* Anthropology of the Numa. Washington: Smithsonian Institution Press, 1971. 307 p.
- Rahmann 1955 – *Rahmann R.* Quarrels and enmity between the Sun and the Moon. A contribution to the mythologies of the Philippines, India, and the Malay Peninsula // *Folklore Studies*. 1955. Vol. 14. P. 202–214.
- Singh 1985 – *Singh H.B.* A study of Manipuri (Meitei) folklore. Ph.D. Thesis, Gauhati: Gauhati University, 1985. 463 p.
- Symonds 2004 – *Symonds P.V.* Calling in the soul. Gender and the cycle of life in a Hmong village. Seattle; L.: University of Washington Press, 2004. 326 p.
- Urban 2010 – *Urban M.* 'Sun' = 'Eye of the Day'. A linguistic pattern of Southeast Asia and Oceania // *Oceanic Linguistics*. 2010. Vol. 49 (2). P. 568–594.
- Wilbert, Simoneau 1991 – *Wilbert J., Simoneau K.* Folk literature of the Cuiva Indians. Los Angeles: UCLA Latin American Center Publications, University of California. 1991, 348 p. (UCLA Latin American Studies; vol. 78)

References

- Arsen'ev, V.K. (1995), "From the scientific heritage of V.K. Arsenyev" // *Kraevedcheskii byulleten' obshchestva izucheniya Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov* [Local History Bulletin of the Society for the Study of Sakhalin and the Kuril Islands], no. 3, pp. 163–182.
- Atgashev, V.R. (2001), "Mythology by Nagar and the creation of the world by the Tyams of Vietnam", in *Maklaevskie chteniya (1998–2000): kratkoe sodержание dokladov: Avstraliya, Okeaniya, Yugo-Vostochnaya Aziya: narody, kul'tura, istoriya* [Maklaev Readings (1998–2000): summary of reports: Australia, Oceania, Southeast Asia: peoples, culture, history], Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, saint Petersburg, Russia, pp. 106–107.
- Belova, O.V. and Kabakova, G.I. (2014), *U istokov mira: russkie etnologicheskie skazki i legendy* [At the origins of the World. Russian etiological tales and legends], Institut slavyanovedeniya RAN, Moscow, Russia.

- Berezkin, Yu.E. (2011), “Four folklore motifs from three eras in the history of Indonesia and the Philippines”, in *Pilipinas muna! Filippiny prezhde vsego! Sbornik statei k 80-letiyu Gennadiya Evgen’evicha Rachkova* [Pilipinas muna! Philippines first of all! Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of Gennady Rachkov], MAE RAN, Russia, pp. 138–174.
- Berezkin, Yu.E. (2019), “The succession of the spread of mythological motifs into America”, *Etnografya*, vol. 5, no. 3, pp. 8–25.
- Berezkin, Yu.E. (2020), “Areal connections of Ancient Japanese mythology”, *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 23–33.
- Berezkin, Yu.E. (2021), “African heritage in mythology”, *Antropologicheskii forum*, no. 48, pp. 91–114.
- Berezkin, Yu.E. (2021), “The Star Chicken – the Solar Rooster. Trans-Eurasian connections in the field of mythology”, in *Venok iz darov družby: Sbornik nauchnykh statei v chest’ Margarity Fedorovny Al’bedil’* [A wreath of friendship gifts: A collection of scientific articles in honor of Margarita Fedorovna Albedil], Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg, Russia, pp. 26–44.
- Berezkin, Yu.E. (2022), “The cultural continuum of the Eurasian boreal zone and the Eastern Siberian wedge (based on comparative mythology and paleogenetics)”, *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, vol. 50, no. 2, pp. 28–40.
- Neklyudov, S.Yu. (2019), *Fol’klornyi landshaft Mongolii: mif i obryad* [Folklore landscape of Mongolia. Myth and ritual], Indrik, Moscow.
- Tarkovskii, R.B. and Tarkovskaya, L.R. (2005), *Ezop na Rusi: Vek XVII: Issledovaniya. Teksty. Kommentarii* [Aesop in Russia. The 17th century: Research. Texts. Comments], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg.
- Berezkin, Yu. (2014), “Children pursued by an ogre. Western and Eastern Eurasian borrowings in the 20th century Quechua narratives”, *Latin American Indian Literatures Journal*, vol. 30, no. 2, pp. 185–215.
- Blackburn, S. (2008), *Himalayan tribal tales. Oral tradition and culture in the Apatani Valley*, Brill’s Tibetan Studies Library, Leiden, Netherlands, Boston, USA.
- Donohue, M. and Denham, T. (2010), “Farming and language in island Southeast Asia”, *Current Anthropology*, vol. 51, no. 2, pp. 223–256.
- Graham, D.C. (1961), *Folk religion in Southwest China*, Smithsonian Institution, Washington D.C., USA.
- Gray, A. (196), *The Arakmbut. Mythology, spirituality, and history in an Amazonian community*, Berghahn Books, Providence, USA, Oxford, UK.
- Ho, T. (1967), *A comparative study of myths and legends of Formosan aborigines*, The Orient Cultural Center, Taipei, Taiwan.
- Kim, H.L., Li, T., Kalsi N. et al. (2023), “Prehistoric human migration between Sundaland and South Asia was driven by sea-level rise”, *Communications Biology*, vol. 6, article 150, available at: <https://www.nature.com/articles/s42003-023-04510-0> (Accessed 25 May 2023).

- Molet, L. (1979), *La conception malgache du monde du surnaturel et de l'homme en Imerina*, t. 1, Éditions l'Harmattan, Paris France.
- Nassen-Bayer and Stuart, K. (1992), "Mongol creation stories: man, Mongol tribes, the natural world, and Mongol deities", *Asian Folklore Studies*, vol. 51, no. 2, pp. 323–334.
- Powell, J.W. (1971), *Anthropology of the Numa*, Smithsonian Institution Press, Washington, USA.
- Rahmann, R. (1955), "Quarrels and enmity between the Sun and the Moon. A contribution to the mythologies of the Philippines, India, and the Malay Peninsula", *Folklore Studies*, vol. 14, pp. 202–214.
- Singh, H.B. (1985), *A study of Manipuri (Meitei) folklore*, Ph.D. Thesis, Gauhati University, Gauhati, India.
- Symonds, P.V. (2004), *Calling in the soul. Gender and the cycle of life in a Hmong village*, University of Washington Press, Seattle, USA, London, UK.
- Urban, M. (2010), "'Sun' = 'Eye of the Day'. A linguistic pattern of Southeast Asia and Oceania", *Oceanic Linguistics*, vol. 49, no. 2, pp. 568–594.
- Vasil'kov, Ya.V. (2022), "Indian heritage in the mythology and folklore of European Roma (Gypsies)", in *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya: Materialy chtenii, posvyashchennykh pamyati professora Iosifa Moiseevicha Tronskogo* [Indo-European linguistics and Classical philology. Proceedings of readings dedicated to the memory of Professor Joseph Moiseevich Tronsky], ILI RAN, Saint Petersburg, Russia, pp. 162–174.
- Wilbert, J. and Simoneau, K. (1991), *Folk literature of the Cuiva Indians*, UCLA Latin American Center Publications, University of California, Los Angeles, USA. (*UCLA Latin American Studies*; vol. 78)

Информация об авторе

Юрий Е. Березкин, доктор исторических наук, профессор, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3;

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; 191187, Россия, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., д. 1; berezkin1@gmail.com

Information about the author

Yuri E. Berezkin, Dr. of Sci. (History), professor, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia; 3, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034;

European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia; 1, Shpalernaya st., Saint Petersburg, Russia, 191187; berezkin1@gmail.com